

Джанапаров Н.Р.

КЫРГЫЗ ГИДРОНИМИКАСЫНЫН КУРАМЫНДАГЫ ЭНЕСАЙ
ТИЛДИК ЭЛЕМЕНТТЕРИНИН ТАРЫХЫЙ ӨНҮГҮҮСҮ

Джанапаров Н.Р.

ЭВОЛЮЦИЯ ЕНИСЕЙСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В СОСТАВЕ
КИРГИЗСКОЙ ГИДРОНИМИКИ

N.R. Dzhaparov

EVOLUTION YENISEI ELEMENTS OF KYRGYZ
WATER NAMES

УДК: 413.11(413.13)

Аталган макалада кыргыз гидронимикасынын курамындагы тилдик элементтердин, башкача айтканда Энесай доорундагы кыргыз элинин тарыхын чагылдырган тилдик бирдиктердин тарыхый жактан өнүгүүсү талдоого алынды. Анткени башка тилдик бирикмелер менен болгон алакада биринчи кезекте гидронимдердин тыбыштык курамы өзгөрүүгө учуроо менен бирдикте эне тилибиздин тарыхый мыйзамдарын так чагылдырат.

Негизги сөздөр: гидроним, гидронимика, ареал, этноним, маданий-лингвистикалык аспект, психоллингвистикалык, дүйнөтааным, семантика.

В статье комплексно анализируются вопросы исторического развития и фонетической адаптации енисейских элементов в составе водных названий киргизского языка. Так как на протяжении веков водные названия как самые актуальные лингвистические термины видоизменяются не только фонетическом плане, но и семантическом отношении тоже. Как нам известно, в первую очередь при непосредственном контакте другими языками в одном ареале все водные названия подвергаются изменениям в звуковом плане.

Ключевые слова: гидроним, гидронимика, ареал, этноним, лингвистический культурный аспект, психоллингвистический, миропонимание, семантика.

This paper including the deep reaches the Yenisei elements of ancient Kyrgyz water names. Provides an overview of evolution hydronyms Kyrgyz origin and of a language can change with time. First, all words undergo continuous sound change, which often involves some kind of shortening. Second, words can be replaced by other words, either by items of the same language that changed their meaning or by items borrowed from other languages.

Key words: hidronym, hidronymica etymon, area, concept, ethnic culture, linguistically culture aspect, psycholinguistics, perception of the world, stored in the memory, semantic nuclear.

История водных названий в кыргызском языке представляет собой сложный конгломерат в языковом отношении. Географическое расположение и историческая роль кыргызского языка в истории Центральной и Средней Азии предопределили ход дальнейшей исторической эволюции гидронимии кыргызского языка, как ядра молекулярной модели гидронимии всех тюркских языков. Кыргызские племена, распространившие свою юрисдикцию по всей территории огромного геопространства – начиная с просторов Сибири кончая долинами Пенжаба в Индии, хребтами Тибета и Памира [1, 46] фактически служили

своеобразным связующим лингвистическим звеном между аморфными, флективными и инкорпоративными языками. Это положение имеет общеязыковое значение и продвигает на первый план актуальность исследования гидронимии кыргызского языка. И так, гидронимика кыргызского языка, приняла в свою лингвистическую «ткань» типологические особенности многочисленных диалектов, языков народностей и сохранил их, почти, в первоизданном виде до наших времен. Эти языки тех древних народов, которые давно ушли с арены истории навсегда. Как своевременно заметил известный языковед Будагов Р.А. «то, что кажется скрытым и не выявленным в одном языке, проясняется и выявляется при сравнении с языками более древними, имеющими с данным языком общее происхождение» [8]. Разумеется, озеро Кыргыз-Нор в Монголии [3], Лоб-Нор в Тибете [1] и Нурек на самой «крыше мира» 9260), т.е. Памире не случайно совпадают с основными компонентами нор ~ нур, а входят в прочную систему водных названий древнекыргызского происхождения. Проще говоря, отсюда до знаменитого *Нила* – рукой подать (л < р).

Болгарским языковедом Н.П. Ковачевым [2], прежде всего, были включены в научный оборот древнекыргызские гидронимы и подвергались детальному семантическому анализу. Вышеназванный нами языковед внес огромный вклад в теоретическое обоснование и типологию гидронимов, встречающихся, в основном, в европейской части географического ареала тюркской гидронимии. Хотя, П.Н. Ковачевым многие гидронимы этимологизируются, весьма, спорно, с лингвистической точки зрения, они получили верное освещение в ретроспективном плане. Например, Н.П. Ковачев приводил, любопытный, факт, что актуальный, в географическом плане, гидроним *вода* в славянских языках, восходить к исторической форме, т. е. форманту *ūd* (28). В частности: «Той изцяло приема предславянски, тракийски произход на речното название и възстановява първичната му форма *Udima* от ие *ūd*- «вода, река» (22). Разумеется, отсюда вытекает, тот исторический факт, что во всех индоевропейских языках, распространяемых на западных широтах земного шара, присутствуют элементы алтайского праязыка. Об этом утверждал известный языковед и крупный специалист по языкам народов Сибири Ф.К. Комаров. Значит, лег в основу старолатинского *hid*

(*<hidro*), вероятно, гыт//гуд «вода, река или же озеро» древнекыргызского происхождения (23). В частности, автор словаря «Чукотских, корякских и эскимосских терминов и других слов, встречающихся в географических названиях СССР» вышедшего в свет 1971 г. в городе Москва Ф.К.Комаров, констатирует, что: «термин получил широкое распространение в составе сложных названий озер, рек и урочищ не только территории Чукотского и Корякского национальных округов, но и далеко за их пределами, в частности на территории Нижнеколымского района Якут. АССР, где он адаптирован в форме *гыткин*» (23-4). Впрочем, данный компонент до сих пор функционирует в составе кыргызской гидронимики, например, как: Котон, Куткун, Кутурган, Кетмен-Тюбе, Кудук, Кутул, Итил, Көт-Малды, Кутургу, Кутал, Кутман и т.п.

На территории Сибири, северной части России и в европейской зоне лингвистического ареала распространения древнекыргызских формантов выше перечисленные нами языковеды заметили гидронима *нич*//*ничиг*. Тем самым, они, в едином порыве, без каких-либо, веских аргументаций древнекыргызского гидронима *ан*//*анга* и последующими вариантами: -*йонга*, -*енга*, -*йега* и -*га* отнесли фино-угорским формантам. В то же время М.А.Кастрен утверждает, что «родственность фино-угорских, самодийских и тюркских, несомненна» (32-37), так как, якобы, на Алтае «длительно соседствовали тюрки и самодийцы» (32-37). Однако Б. М. Юнусалиев, неоднократно, заявил о генетической близости алтайского и кыргызского языков и распространения самодийского языка на алтайский лингвистический ареал учеными не подтвердились. Кстати, любопытно тот факт, что пишет руководитель гидронимической экспедиции, организованный Уральским государственным университетом им. А.М. Горького в 1963-1964 гг. в Красноярский край (Саяны) А.К. Матвеев: «У северных отрогов Саян, в долине р.Ильбин, приютилась небольшая деревня Абалаково. По современному административному делению оно находится на территории Рыбинского района Красноярского края. Деревня эта до революции именовалась Абалаковский улус, а ее жителей местное русское население называло «татарами». Но ученые А.Л. Шлёцер и П.С. Паллас еще в XVIII веке установили, что язык «абалаковских татар» не имеет ничего общего с тюркскими языками, да и сами жители Абалаково называли себя в отличие от «степных» татар «таежными» татарами или камасинцами. Небольшой народ камасинцев принадлежал к южной (саянской) группе самодийских народов, родственной современным северным самодийцам (ненцам, энцам, нганасанам, селькупам). В настоящее время еще не решен вопрос, было ли Алтайско-Саянское нагорье древней прародиной южных самодийцев или их последним прибежищем» (32). Далее ученый, ссылаясь на записи Александра Кастрена, посетившего осенью 1847 года камасинцев и финского ученого Кай Доннера побывавшего Абалаково в 1914 году около двух месяцев и приводит не опровергае-

мых факторов. В частности: «В Абалаково экспедиция работала 20 дней. Сейчас здесь живут преимущественно русские и украинцы. Есть несколько потомков качинских («степных») татар, которые уже почти забыли свой родной язык, хотя и сохранили явно монголоидный облик. В самом Абалакове и в окрестных селах живут также потомки камасинцев из семей Анджигатовых, Шайбиных и Саломатовых, но все они уже не знают родного языка. **Факт вымирания камасинского языка был таким образом подтвержден**» (33). На фоне этих же, уже, как ни банально, фактов в режиме реального времени, выводы М.А. Кастрена бросают тень на объективности в его утверждениях, если не вызывают сомнения.

Д.П. Европеус анализируя формантов -*енга*, -*енга* приводит 11 гидрографических названий (ГН) на основу *печенга* возводит данного гидронима к остяцким *печеиенг* «сосновая вода» (31). Тогда трудно будет объяснить не только историкам, но и лингвистам исторического развития этноса *Печенегов* и этнонима *печенег*. Конечно, этимологизировать этнонима *печенег* от печо//печора «сосна», было бы слишком затруднительным и не совсем убедительным. А, для исторического объяснения реально действовавших и один из основных фигурантов, создавших постоянную угрозу для Российской империи в истории евроазиатского континента, печенегов, интерпретации М.А. Кастрена являются, не достаточным, если не оскорбительным для народа Печенег. В то же время, факты кыргызской гидронимики и общенародного лексического фонда, порядком облегчает детального анализа исторической эволюции гидронима *печенга*. По выражениям Б.М. Юнусалиева «в ичкиликском отделе» кыргызского языка до сих пор не потеряла свою активность в актуальной речи местного населения лексема *нич* «мало, малый или же малый раздел от общего» и *анга*//*анна* «река, глубокий яр» (334). В то же время, К.Аширалиев утверждает, что древнекыргызская лексема *биче* является одним из активных номинантов в составе орхоно-енисейских памятников (45). Результатом семантического развития древнекыргызского *ничиг*, в свою очередь, являются *пучок* в русской нарицательной лексике, с одной стороны и последнего гидронима *ангар* «котлован, вырытое помещение» – другой. Хотя, не намеренно, М.П. Веске этимологизируя (71) гидронимов: *Мудьюга* «илистая река», *Пинега* «малая река» *тура* «прямой», фактически приводит перечень древнекыргызских гидронимов в адаптированном варианте в чужой языковой среде и только. Тем более, в составе современной кыргызской гидронимики, как бы, противопоставляются выше перечисленным водным названиям со стороны М.П. Веске (71) и ныне существуют такие гидрографические имена (ГИ), как: *Ала-Мудун* (< *мудун*//*майдан*); *Пычан*//*Пычык* (< *ничиг*) и *Талас* (< *тура*). Как выше, мы, заметили, что гидронимика как таковая, с теснейшим образом связана с формированием языка нации и менталитетом целого народа. С этой точки зрения внесли значительный вклад в

развитии кыргызской гидронимики советские ученые-историки С.Е. Абрамзон, В.В. Бартольд и А.Н. Бернштам. Они, в свою очередь, будучи учеными-востоковедами, отнесли гидронимов к категории редчайших исторических фактов и реальных территориальных индикаторов исторической территории кыргызов. Удивительно, но факт, что все, без исключения, выше названные нами ученые древних гидронимов, существовавших в геопространстве евразии, возводили кыргызскому языку. В то же время, С.Е. Абрамзон (5-87), В.В. Бартольд (16) и А.Н. Бернштам (43) признав водных названий как исторической действительностью, подвергли, со своей стороны, скрупулезному лингвистическому анализу. Именно, они, не боясь от политических преследований коммунистических идеологов, подвергли тщательному историко-лингвистическому анализу гидронима **Кыргыз-Нор**. Разумеется, и на основе этимологии данного гидронима провозгласили исторической территорией кыргызов всю прилегающую территорию к этому озеру юго-восточной части внутренней Монголии (4).

Литература:

1. Абрамзон С.М. Вопросы этногенеза киргизов по данным этнографии // Труды кирг. археолого-этнографической экспедиции. - Ф., 1959. - Ч.3. - 237 с. (стр. 31-43).
2. Аширалиев К. Орхон-Енисей жазма эстеликтериндеги унгу сөздөр. - Ф., 1963. - 120-б.
3. Бартольд В.В. Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана. - Б., 1996. - 608 с.
4. Бернштам А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. - Б., 1997. - Т.1. – 559 с.
5. Веске М.П. Славяно-финские культурные отношения по данным языка //Изв. Археологии, истории, этнографии при Казанском ун-те. - 1890. - Т.VIII. - Вып.1.
6. Европеус Д.П. Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, в Финляндии и в северной части Скандинавии до прибытия туда нынешних ее жителей. - СПб, 1874.
7. Комаров, Ф.К. Некоторые вопросы транскрипции топонимов Якутской АССР // Топонимика Востока. - 1962. - С. 139-142.
8. Матвеев А.К. Новые данные о камасинском языке и камасинской топонимике // Вопросы топониматики. - Свердловск, 1965. - Вып. 2. - С. 32-7.
9. Словарь чукотских, корякских и эскимосских терминов и других слов встречающихся в географических названиях СССР. - Москва, 1971. Составитель: Ф.К. Комаров. 171 с.
10. Меновщиков Г.А. Местные названия на карте Чукотки (Краткий топонимический словарь). - Магадан, 1972. - 206 с.
11. Юнусалиев Б.М. К вопросу о формировании общенародного киргизского языка [Текст] / Б.М. Юнусалиев // Труды Института языка и литературы. - Ф., 1956. -125 с.

Рецензент: к.филол.н., доцент Эргешбаева Н.А.